
**КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ГЛУБИННОЙ СУЩНОСТИ ВЛАСТИ**В.Е. Чиркин. Публичная власть: М.: Юрист, 2005.**

В русскоязычной юридической литературе, где монографические разработки о публичной власти можно буквально сосчитать по пальцам, публикация новой книги В.Е. Чиркина – явление, безусловно, не рядовое, а событийное и знаковое. Думается, что появление этой системной и комплексной разработки проблемы власти обусловлено прежде всего сугубо практической необходимостью, так как существуют ежедневные вопросы, связанные с особенностями взаимодействия в рамках разнородного российского федерализма таких разновидностей официальной и легитимной власти, как государственная федеральная власть, власть территориальных коллективов субъектов федерации и муниципальная власть.

Цель данного монографического исследования предельно четко и ясно определена уже в предисловии. Это теоретические аспекты происхождения, природы, организации и реализации публичной власти. Ученый приложил немало усилий, чтобы понять природу публичной власти и выделить ее из бесконечного разнообразия известных форм зависимостей и взаимодействия, которые встречаются в человеческом сообществе. Используемый при этом метод основан на выявлении и описании таких особых свойств публичной власти, которые внутренне присущи последней и выделяют ее из более общей властной системы, какой является социальная власть. В числе таких признаков заявлены: психологический и волевой характер связей в системе публичной власти; принудительный характер публичных властеотношений; коллективный характер этой власти, который необходим для решения общих дел достаточно устойчивого коллектива; асимметричный статус членов территориального коллектива, в котором формируется публичная власть. Опираясь на сильные стороны этого исследования, можно заключить, что публичная власть соотносится с социальной как видовое понятие с понятием родовым. Единственное, что недостает в этом фрагменте научно-теоретической разработки – отсутствие самого понятия публичной власти в виде сжатой и концентрированной дефиниции.

Автору удалось выявить и всесторонне исследовать первичную и изначальную основу публичной власти, какой, по его мнению, является исторически сформировавшийся и объективно существующий территориальный коллектив. Территориальный публичный коллектив, как считает В.Е. Чиркин, формируется в результате того, что находящиеся на соответствующей территории физические и юридические лица объединяются в целостную социальную организацию посредством общественных связей, которые имеют не только географический, но и постоянный социальный и публично-правовой характер. Это порождает общность их взглядов и убеждений и обуславливает общую заинтересованность в установлении и соблюдении единых для все правил поведения. Поскольку цен-

тральной задачей территориального коллектива выступает обеспечение нормального и по возможности более комфортного цикла жизнедеятельности человека, проживающего в границах официально определенного ареала, то соответственно и образуемые им органы имеют универсальный и функционально дифференцированный характер, что отличает территориальный коллектив от таких формирований населения, как общественные объединения. Глубинный анализ первоосновы публичной власти – территориального коллектива – позволил на серьезном научном уровне разрешить вопросы о формах и способах осуществления публичной власти, поскольку выдвигаемые исследователем гипотезы и тезисы всякий раз подкреплялись убедительными и реально существующими фактами и аргументами.

Принципиально важно отметить некоторые особенности сформулированных ученым взглядов и представлений по вопросу о разновидностях публичной власти, нашедших отражение в § 3 гл. II. В результате проведенных автором исследований здесь выделены четыре разновидности публичной власти – публичная федеральная государственная власть; публичная власть международного сообщества, которая имеет производный и договорный характер; региональная публичная негосударственная власть субъектов федерации, а также публичная муниципальная власть. Безусловно, наивысшую ценность в этой разработке представляют идеи В.Е. Чиркина о сущности публичной власти в субъектах Российской Федерации. Российское конституционное законодательство считает эту власть государственной, хотя по сущности она вряд ли является таковой, на что и обращает внимание автор монографии. Мы считаем возможным и целесообразным воспринять его мнение и, соответственно, считать эту власть не государственной, а именовать ее региональной публичной властью.

Сформулированная в монографии весьма взвешенная и продуманная классификация публичной власти по видам не вызывает сомнений в ее научной обоснованности и практической ценности. Однако, как представляется, утверждение автора (с. 19) о том, что власть общественных политических и неполитических коллективов не является публичной властью, не совсем убедительно, так как политический а, следовательно, и властный характер деятельности общественных объединений, на наш взгляд, невозможно отделить от тех решений, которые они принимают. К тому же, по мнению самого автора, эта корпоративная власть является общественной, что тоже указывает на ее публичность. Если учесть, что решения общественных объединений и других институтов гражданского общества обеспечиваются различными формами принуждения, то следовало бы признать, что власть институтов гражданского общества тоже является разновидностью публичной власти в широком смысле.

Значительная часть монографии посвящена анализу одного из самых важных вопросов в данной теме – формам публичной власти. В этом разделе работы автор вначале высказывает исключительно продуктивную по своему смыслу концептуальную идею о том, что публичная власть существует в двух качественно различных состояниях: во-первых, как потенциальная или “дремлющая” сила, т.е. своего рода “вещь в себе” и, во-вторых, как динамичная сила, когда она оказывает внешнее воздействие на другие субъекты и объекты реального мира, вступая с ними в определенные взаимоотношения. Опираясь на этот теоретико-методологический тезис, исследователь выделяет две группы форм публичной власти: 1) непосредственные, к которым он в соответствии с общепринятыми представлениями о непосредственной демократии относит институты народного голосования (они подробно рассмотрены в главе третьей); 2) опосредованные, в числе которых он выделяет три разновидности – представительные органы, органы исполнительной власти и органы судебной власти (характеристика этих форм основательно излагается в главе четвертой). Такая теоретическая конструкция вполне может претендовать на статус классической. В тоже время, на наш взгляд, допустимо говорить и о третьей группе форм публичной власти, которую составляют институты партиципаторной демократии, так как они обладают определенной спецификой, позволяющей отграничивать их как от прямой демократии, так и от органов представительной демократии. Конкретно сюда можно отнести, например, институт государственных служащих или функционеров в аппарате общественных объединений, а также другие формы не непосредственного и не представительного участия индивидов в осуществлении публичной власти. Кстати, сам В.Е. Чиркин, как никто другой, предельно четко разграничивает непосредственное осуществление власти, с одной стороны, и формы участия в осуществлении власти, с другой стороны, (§ 2 гл. III). И еще о формах публичной власти. Опираясь на подробный анализ различных проявлений публичной власти в общественно-политической практике, представленных в том числе и в данной монографии, наверное, можно выделить и четвертую группу форм публичной власти – это различные способы неправового явочного установления (иногда насильственного захвата) публичной власти, такие как революции, войны, восстания, мятежи, заговоры.

Исключительно мощные и далеко идущие последствия может повлечь за собой не совсем обычная и безусловно высокопрофессиональная разработка в монографии вопроса о регулятивных нормах территориального публичного коллектива. Совершенно оче-

видно, что автор осознает и убедительно показывает, что публично-властные структуры (институты и органы публичной власти) разрабатывают и принимают регулятивные нормы, которые не могут быть охвачены термином “нормативно-правовые установления”, так как они содержатся не только в известных по своей сущности и содержанию нормативно-правовых актах. Из выполненных исследователем разработок со всей очевидностью вытекает, что все институты и органы публичной власти, независимо от различия их форм, используют в своей деятельности нормативные акты, которые содержат правила и установки, имеющие обязательную силу для определенного круга лиц, и они обеспечены принудительной силой тех публично-властных структур, которыми установлены. Но это далеко не всегда правовые нормы в их традиционном понимании. Содержащиеся в таких нормативно-публичных актах правила и веления скорее всего можно обозначить термином “кратонорма”, который, как представляется, включает в себя и такой феномен, как правовая норма, являющаяся в данном случае одной из разновидностей кратонорм. Представляется, что такой подход к пониманию сущности регулятивных норм, исходящих от разных форм публичной власти, может послужить стимулом для дальнейших исследований такой крупной проблемы, как право публичной власти и нормативные формы ее реализации, в том числе вопросов о структуре нормопроектного процесса в широком смысле и об особенностях и специфических чертах кратонорм.

Невозможно в формате рецензии оценить все то полезное, что составляет содержание этой редкой, но остро востребованной реальной политической практикой монографии. Выполненный автором анализ публичной власти отличается не только глубиной проникновения в сущность власти и властеотношений, но и содержит уникальную информацию об организационных формах ее осуществления, богат примерами правоприменительной деятельности зарубежных государств, вводит в научный оборот новые интересные факты и сведения. Нет сомнения, что прочтение и осмысление этой по-настоящему эвристичной и информационно насыщенной монографии будет полезно каждому, кто интересуется проблемами демократии, власти и права.

А.А. Югов, доцент кафедры конституционного права Уральской государственной юридической академии, канд. юрид. наук